

ВСЕГДА В ПУТИ

ПО СЦЕНЕ прославленного драматического театра Грузии ходил герой лучшей грузинской пьесы — Кваркваре Тутабери. Ходил какой-то незнакомый, необычный Кваркваре, менял костюмы — облачался то в похожий на простыню библейский балахон, то в современную военную форму иностранного образца, но принципиально не носил обуви — был босым с самого начала спектакля до самого конца. Кваркваре льстил, изворачивался, дерзил, был кичливым и груслывым, обаятельным и отталкивающим, безжалостным, самовлюбленным и по-своему одаренным. Кваркваре говорил слова не всегда те, которые мы привыкли от него слышать, но даже известные нам, сказанные в иной последовательности, с иначе расставленными акцентами, звучали по-новому, и мы удивлялись: хитер же, подлец, вот уж пятьдесят лет знакомы, а сколько он скрывал, сколько за ним не знали... А Кваркваре был Рамаз Чхиквадзе, вернее Рамаз Чхиквадзе становился на два с лишним часа Кваркваре, чтобы удивлять, потрясать, покорять и восхищать зал.

Восхищать? Но разве не было людей, которые не приняли этот спектакль и — будем откровенны — возмущались им? Безусловно, были, однако среди них я не встречал ни одного, кто остался бы равнодушным к игре Рамаза Чхиквадзе. «Чхиквадзе — прекрасен, спектакль очень хорош, но так обращаться с классикой...» — нудно твердили они. Старая песня, известная со времен Мейерхольда и даже раньше. Шаткость подобной позиции очевидна, ибо у театра нет другой цели, как создавать очень хорошие спектакли, у актера — прекрасно играть. И если режиссер и актер в результате настойчивого и талантливого поиска смогли открыть в классическом произведении, выражаясь производственным языком, «скрытые резервы», то радоваться надо, аплодировать надо. В пьесе такого ранга, как «Кваркваре Тутабери», «скрытые резервы» неисчерпаемы. Их будут находить через пять, десять, пятьдесят лет. Кваркваре будет изменяться, претерпевать метаморфозы... И как раз это и свидетельствует о вечной молодости, неувядаемости литературного источника — жемчужины нашей драматургии.

...А на сцене у «джинна» стоял необычный Кваркваре — Рамаз Чхиквадзе в пробковом шлеме колонизатора и властным голосом отдавал приказания солдатам, держащим в руках автоматы. И зал смеялся и взрывался аплодисментами.

Зал не обращал внимания на тех, кто, качая головой и вздыхая, задавал праздный вопрос: «А что сказал бы автор — Поликарп Какабадзе, разве ему понравилось бы это?»

Не знаю, не знаю, не берусь судить. Большой писатель сверхтребователен и к себе, и к другим и очень ревностно относится к каждому написанному им слову. Он хочет, чтобы спектакль раскрыл все нюансы замысла. Но такого спектакля не может существовать в природе. Потому что театр есть театр, литература есть литература. Театр обращен только к современникам, а литература — к современникам и потомкам. И, кроме того, в искусстве совместное творчество десяти или двадцати человек в принципе не бывает таким глубоким, как творчество одного.

...Зал не зря взрывался аплодисментами. Рамаз Чхиквадзе лепил нового Кваркваре, увиденного с позиции сегодняшнего дня. Сценический образ стал масштабнее и обобщеннее.

...Современность в искусстве — это, прежде всего, гражданская позиция художника, его стремление и умение служить интересам общества, народа. В этом смысле творчество Рамаза Чхиквадзе предельно современно. Хотелось написать — образцово. Но творчество — не застывшая совокупность правил, догм, взглядов. Подобно жизни, оно находится в вечном изменении и, кроме того, глубоко индивидуально. Скажем, подражать Рамазу Чхиквадзе вовсе не надо. У него следует перенять стремление к новым средствам выразительности, неудовлетворенности сделанным. У него следует учиться быть на сцене гражданином, ответственным за свое время. Недаром в числе

других трудящихся республики за доблестный труд в девятой пятилетке Рамаз Чхиквадзе был награжден орденом Ленина.

Но, говоря о Рамазе Чхиквадзе, всегда следует помнить о театре имени Руставели. Ибо спектакль — творчество коллективное, творчество режиссера и актеров. И тот же Кваркваре, тот же Аздак в том виде, в каком мы их узнали, были бы невозможны без содружества Рамаза Чхиквадзе и Роберта Стурра, а также всех других актеров, занятых в спектаклях.

«НАИБОЛЕЕ памятные дни моего детства, — вспоминает Рамаз Чхиквадзе, — это те, когда всем классом мы ходили в ТЮЗ. Актеры казались самыми счастливыми людьми в мире, необыкновенными, загадочными. Познакомиться с кем-либо из них — о таком даже не мечталось».

Но годы, хотя и не так быстро, как хотелось, все же шли, и настало время — его приняли в драмкружок Дворца пионеров и школьников. И тут впервые он соприкоснулся с той закулисной таинственной жизнью, которая так влекла.

Пять лет, проведенные в драмкружке, дали Рамазу Чхиквадзе многое. Он, как и его однокашники, ставшие затем известными актерами, с любовью и благодарностью вспоминает своих руководителей. С благодарностью вспоминает он и актеров, блиставших тогда на сценах двух театральных академий — театров имени Руставели и имени Марджанишвили. Такие спектакли, как «Отелло» и «Великий государь», «Свадьба колхозника» и «Иные нынче времена», он смотрел по пять, по шесть раз, не переставая восхищаться — и учился, учился...

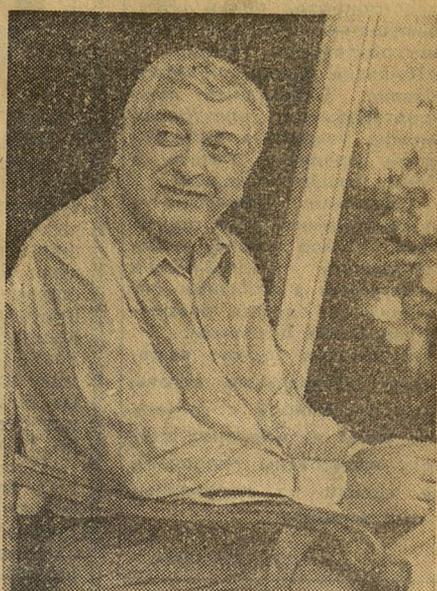
В 1947 году Рамаз Чхиквадзе без труда выдержал вступительные экзамены в тбилисский театральный институт. Попал в группу, которую вел Дмитрий Алексидзе. А четыре года спустя молодой актер был зачислен в группу театра имени Руставели.

В КОНЦЕ 50-х и начале 60-х годов во весь голос заявило о себе поколение актеров, к которому принадлежит Рамаз Чхиквадзе. Развивая традиции своих предшественников, это поколение утверждало новое, свое. Кто не помнит огромного успеха спектаклей «Испанский священник», «Доктор философия», «Повесть о любви», «Чинчирака»... От роли к роли креп талант Рамаза Чхиквадзе, оттачивалось мастерство. «Мне всегда везло на режиссеров», — говорит он. И действительно — Дмитрий Алексидзе, Михаил Туманишвили, затем Роберт Стурра, Темо Чхеидзе... Но и режиссерам, кто работал с ним, везло не в меньшей степени.

Многие даже большие актеры где-то к сорока годам удовлетворяются достигнутым. Окончательно определяют свое лицо, свое амплуа и не пытаются их изменить, отлично понимая, что такая попытка связана с немалым риском — можно растерять приобретенное, не получив ничего взамен. И никто не вправе удерживать их в этом: им виднее, потому что человеку искусства не свойственно недооценивать свои возможности, скорее, как известно, наоборот.

Рамаз Чхиквадзе принадлежит к тем беспокойным и счастливым художникам, которые всегда в пути, для которых творчество — всегда «езда в неизвестное». Известный актер, он сумел отказать от многих своих безусловных достижений прошлых лет, отрезал от апробированного хорошего во имя неизвестного лучшего. И одержал бесспорные победы: Кириле («Мачеха Саманишвили»), Кваркваре и Аздак («Кавказский меловой круг»). Вот почему с полным основанием можно сказать, что Рамаз Чхиквадзе не достиг еще своего творческого зенита, ининито не в силах предугадать, в каком новом качестве он предстанет завтра перед зрителем.

В ЖИЗНИ порой происходят странные вещи. Рамаз Чхиквадзе не хотел браться за роль Кириле — чуть ли не в при-

казном порядке обязали. Но на первых же репетициях проникся благодарностью к администрации — хорошо, что проявила настойчивость. Работал с азартом. Понял: Кириле не просто бесшабашный забулдыга, находящий удовольствие в пьяных дебошах. Нет, дело обстоит куда сложнее. Кутежи и дебоши — это способ уйти от постылой действительности, от той бессмысленной жизни, которую он вынужден вести в силу воспитания и социального положения. Кириле наделен огромной энергией и не знает, как ее использовать. И именно поэтому образ, созданный Рамазом Чхиквадзе, окрашен печалью. Это почувствовали зрители в Тбилиси, Москве, Польше, ГДР, Саарбрюккене, смеясь над выходками Кириле.

Аздак. Роль совсем иного плана. Мир Брехта — сложный, изобилующий острыми углами. Кипят страсти, сталкиваются гротеск и лирика, публицистика и философия, грубые мазки и тонкая акварель. Каким увидел Аздака Рамаз Чхиквадзе? Не пьяницей и пройдохой, а прежде всего умным и справедливым человеком. Жизнь сыграла с ним злую шутку, сделала изгоем, но, несмотря на скептицизм и даже некоторый цинизм, он под спудом хранит духовную чистоту, которая проявляется, когда представляется случай.

Роль Аздака стала одной из ключевых в творчестве Рамаза Чхиквадзе. Весной этого года во время гастролей в Москве она восхитила как выдавших виды профессионалов, так и любителей искусства. Были аплодисменты, хвалебные рецензии. И устно, и печатно было признано, что в успех гастролей руставелевцев Рамаз Чхиквадзе внес весомый вклад.

В КИНО Рамаз Чхиквадзе сыграл более 25 ролей. Некоторые из них — эпизодические. «У эпизодической роли свой вкус, — говорит он. — Ограниченность текста, времени мобилизует, учит умению коротко сказать о многом. Похоже на то, словно в тире дали тебе только одну пулю и обязали попасть в «десятку».

Первую большую серьезную роль в кино исполнить пришлось недавно — в кинофильме «Сажень» Р. Чхеидзе. «Не мог представить, что смогу перевоплотиться в столь глубокого старика. Но работа пошла свободно. Картину закончили очень скоро».

Сейчас он снимается одновременно в нескольких фильмах — у режиссеров Т. Абуладзе, Г. Патарая, Г. Ходжава, Р. Чархалашвили, Н. Мчедлидзе... Среди его героев — священник, брадильмейстер, сельский соблазнитель, кутансец Зипо — большой оригинал...

Может быть, скоро настанет время, когда о Рамазе Чхиквадзе не будут говорить как об актере преимущественно театральном. Тем более, что, в отличие от многих, он считает одинаково интересной работу как в театре, так и в кино.

...В зале постепенно гаснет свет. Звучит музыка, и сцена заполняется людьми. Мудрый и лукавый Аздак — Рамаз Чхиквадзе вершит справедливый суд. Где-то на галерке сидит пока никому не известный школьник, пришедший на этот спектакль в пятый или шестой раз. Он жадно ловит каждое слово, сказанное любимым актером, запечатывает каждое его движение, каждый жест. Он мечтает о сцене и учится, учится...